

Куликова Элла Германовна

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: РИТОРИЧЕСКИЙ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье говорится о соотношении риторических фигур и паралингвистических средств. Риторические фигуры вступают во взаимодействие и корреспондируют с явлениями параязыка. Средства параязыка образуют своеобразный субкод, основой которого служат мотивированные знаки. Такой субкод подвергается определенной конвенции. Подобная конвенция образует собственную норму, которая не является в отношении языка "другой нормой", но соотносится с нормой языковой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. II. С. 104-106. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 800.732:82-1:882

Филологические науки

В статье говорится о соотношении риторических фигур и паралингвистических средств. Риторические фигуры вступают во взаимодействие и корреспондируют с явлениями параязыка. Средства параязыка образуют своеобразный субкод, основой которого служат мотивированные знаки. Такой субкод подвергается определенной конвенции. Подобная конвенция образует собственную норму, которая не является в отношении языка «другой нормой», но соотносится с нормой языковой.

Ключевые слова и фразы: риторическая фигура; параязык; языковая норма; паралингвистическая норма; риторическая норма; мотивированный знак; субкод; индексы.

Куликова Элла Германовна, д. филол. н., профессор
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
kulikova_ella21@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ:
РИТОРИЧЕСКИЙ И ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ[©]**

Риторические фигуры являются ближайшими аналогами паралингвистических единиц в языке, более того, родство фигур и паравербальных явлений обусловлено генетически. Таким образом, гипотетически можно предположить близость риторической и паралингвистической нормы.

Риторические фигуры, подобно паралингвистическим средствам, являются мотивированными знаками, а отношение такого рода знаков к норме также является специфичным.

Риторические фигуры, подобно паралингвистическим средствам, имеют континуальную (метаплазмическую) природу, а не вариантную. Формируя особый экспрессивный субкод, они выступают вместе и наряду с традиционным языковым кодом, и в связи с этим можно говорить об их подобии невербальному языку, который тоже может рассматриваться в качестве некоего экспрессивного субкода. Риторические фигуры взаимодействуют непосредственно со средствами параязыка, а в определенных случаях даже наблюдается некая диффузность риторической фигуры и паравербального явления.

Мы понимаем фигуры речи широко, следовательно, тропы относим к риторическим фигурам. Можно говорить об общей связи такого паралингвистического средства, как мимика лица, с фигурами речи, которая является достаточно очевидной хотя бы уже потому, что и фигуры, и выражение лица объединяются выполняемыми ими мимесическими функциями. Заметим, что мимезис, который рассматривается Аристотелем в качестве подражания природе, может иметь и такое риторическое значение, как «передразнивание», (копирование мимики и речевой манеры), то есть может иметь более узкое значение [13]. Вспомним, что пародисты при воспроизведении чужой речевой манеры обычно используют и специфическую мимику. Кроме того, и мимика, и фигуры связаны с воспроизведением эмоционального состояния. При этом фигура более связана с характеристиками количественными, способом протекания эмоций, в то время как мимика связана с качественными характеристиками. Поэтому фигуры только представляют мимическую схему, которая может быть подвержена сильному варьированию в мимике в соответствии с содержанием эмоции. В связи с этим можно говорить, что мимика способствует «расцветиванию» фигур.

Таким образом, и проклятия, и восхваления требуют синтаксических средств достаточно однотипных (эпифоры, анафоры, синтаксический параллелизм и др.). Демонстрация неизменности и силы чувства оказывается важной в обоих случаях: в первом – восторга, во втором – гнева. В языковом плане различие создаваться будет не столько синтаксическими средствами, сколько лексическими. Например, период с анафорическим использованием союзов или лексической анафорой, – синтаксическая фигура, уместная как в порицании, так и в прославлении. Мимика в этом случае выполняет такую же функцию, какую выполняет лексика (в одном случае пейоративная, а в другом – мелиоративная).

Таково соотношение мимики и фигуры в общем виде. Но то, что касается связи с фигурами (в узком смысле – тропами) иронической группы, здесь мимика с фигурой соотносится качественно иным способом.

«Сарказм» – термин, который традиционно толкуется как злая ирония, этимологически соотносится с глаголом, обозначает сдирание мяса и обнажение кости. У создателей термина сарказм мимически создавал ассоциацию с оскалом, с неким хищным выражением на лице. Отмечают, что речь саркастическая произносится часто в императивной модальности, в форме повелительного наклонения. Ср. из Евангелия «*Радуйся, Царь Иудейский!*» [4] или у М. Е. Салтыкова-Щедрина «*Спи, богатый! Спи!*» [6, с. 934-935]. Это заостряет внимание на непосредственности обращенности подобной речи к реципиенту. А кинесическим средством, сопровождающим такой сарказм, может служить издевательский поклон.

Насмешка, которая обращена к себе, – «миктеризм». Этимологией этого термина фиксируется собственно мимика, т.е. выпускание воздуха ноздрями, которое, по мнению древних риториков, характерно для полных самоиронии речей [8]. Речь идет о насмешливой, сопровождаемой своеобразным хмыканьем похвале в свой собственный адрес. Из кинесических средств миктеризм может сопровождаться и характерной улыбкой, и легким наклоном головы (Я, гм, известный всем герой!) (пример составлен автором статьи – Э. К.).

Насмешка в форме похвалы – «астеизм». Эта фигура также невозможна без определенной мимики лица. Этимологически этот термин связан со значением «городской, учтивый, столичный». Так, классическим примером астеизма является напускная скромность в таких выражениях, как «*Люди мы простые, маленькие, ничего в этом не понимаем*» (ср. [2, с. 62]). Астеизм подразумевает и специфическую, особую мимику: поджатие губ, наклон головы и др. Астеизму, в понимании древних, противоположна диаметрально литота, т.е. говорящий притворяется намеренно жителем деревни, провинции, простаком («А город ваш немал!» вместо того чтобы сказать «велик») (*пример составлен автором статьи – Э. К.*), что также гипотетически должно сопровождаться специфической мимикой (выражением лица с простодушным удивлением). Нельзя не отметить, что «ирония» (родовой термин сам по себе) означает «притворство».

Следовательно, тропы контраста (в широком смысле ирония) тесным образом оказываются связанными с мимикой лица.

Фигура совершенно очевидным образом оказывается связанной с фоникой. Мы имеем в виду именно словесные фигуры, поскольку связь тропов с интонацией является факультативной. Специфичной она является только для иронии. При этом даже в отношении иронии некоторые авторы [10, с. 159] отмечают факультативную роль особой, специфической интонации, хотя отмечается и другая точка зрения.

Словесные фигуры, которые связаны с особыми синтаксическими конструкциями, естественно, отличаются интонационным рисунком, а в дефиниции некоторых из них интонация входит в качестве конституирующего признака. Например, при описании такого синтаксического построения, как период, упоминается повышение тона (протазис) и понижение тона (аподозис). См., например: «Сложное синтаксическое построение, ритмический характер которого обеспечивает закономерное повышение и понижение голоса» [1, с. 321].

Интонация обязательна при описании градации, поскольку в определенных случаях стилистический или семантический признак может усиливаться от одного члена градации к другому, это может происходить и в рамках одной лексемы. Причем нарастание (восходящая градация) может передаваться только интонацией и / или сопровождаться усилением громкости. Например, градация в известной песне: «*Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц*». Аналогичным образом построена градация, образующая название пьесы Михаила Шатрова «*Дальше, дальше, дальше...*» [12]. Перечислительная интонация при произнесении этого названия превратила бы одно и то же предложение в повтор, соответственно, изменилась бы и коннотация предложения.

Интонация является единственным способом выражения парцелляции в устной речи. При произнесении фигура парцелляции обозначает паузу в конце предложения, которая реализуется в средней части предложения, таким образом, незавершенная часть предложения оформляется интонационно как завершенная. Вспомним пародию: *Мореплаватель Беринг бросил якорь. В меня* [5].

Без различий в интонации большинство антистических фигур могло бы дать омонимичные построения. В этом смысле можно говорить, например, о диафоре (антитезе в пределах одной лексемы). К примеру, известное ленинское высказывание «*Есть компромиссы и компромиссы*», прочитанное с использованием перечислительной интонации, утратило бы всяческий смысл. К тому же если представить, что перечислительную интонацию сопровождает ворчливый тон, тогда получится жалоба на избыток в нашей жизни компромиссов. Такое же сочетание слов, но сопровождаемое радостным тоном, может быть прочитано и как восходящая градация: *Есть компромиссы и компромиссы!* Получается проявление парадоксальной радости в связи с нарастающей компромиссностью жизни.

Фигуры также корреспондируют с темпом речи. Например, при произнесении такой фигуры, как асиндетон предполагается убыстрение темпа речи. Наоборот, замедление темпа во время произнесения бессоюзной конструкции полностью может уничтожить ее стилистический эффект и даже создать другую, противоположную диаметрально коннотацию. Ср.: *Швед, русский колет, рубит, режет*. При продолжительных паузах появляется противоестественный эффект: *колет... рубит... режет* [7].

Замедляется темп речи и в такой фигуре, как полисиндетон. Убыстрение темпа может изменить коннотацию на совершенно противоположную. Ср.: *И-божество-и-вдохновенье-и-жизнь-и-слезы-и-любовь* [8].

Фигуры предполагают четкость в артикуляции, особенно это касается фигур контраста и паронимазии. При произнесении фигур прибавления не допускаются посторонние вставки, покашливание, слова-паразиты. Ср.: «Кх-м, клянусь любить тебя, кх-м, до гроба, клянусь, так сказать, хранить верность» (*пример составлен автором статьи – Э. К.*). Фигуры расположения и перестановки, наоборот, допускают какое-либо засорение речи, а в некоторых случаях засорение речи даже может резонировать со стилистической функцией этих фигур. Вспомним известный анаколупф в речи Скалозуба. При произнесении его «*Мне совестно... как честный офицер*» [3] после «*совестно*» допускается вполне легкое покашливание.

Классически включаемые в список фигур различные восклицания, средства эмфазы принадлежат к диффузным случаям, когда имеется в виду столько же словесная фигура, сколько и паразыковое явление. Сюда можно отнести также звуковые повторы – ассонансы и аллитерации. Паузы (*Про-те-сту-ю!*) при скандировании родственны фигуре, называемой тмезисом, что буквально означает «разрезание», своеобразная парцелляция на уровне обычных слов и словосочетаний.

И у такого известного явления, как преднамеренное покашливание, которое балансирует между паразыком и междометием, обнаруживается родство с риторическим приемом – миктеризмом.

Фонические средства паразыка образуют субкод. Основой его служат мотивированные знаки, индексы главным образом. Данный субкод оказывается подвергнутым определенной конвенции, которая носит более этикетный характер, чем у фигур. Такая конвенция образует собственную норму, не являющуюся в отношении языка «другой нормой», но соотносится с нормой языковой, поскольку невербальный язык сопровождает речь. В особенности тесная связь присутствует между фигурой и паралингвистическим средством. Таким образом, паразыковая норма корреспондирует и с языковой, и с риторической нормой.

Список литературы

1. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 607 с.
2. **Гаспаров М. Л.** Астеизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. М. В. Кожевника, П. А. Николаева. М.: РАН ИНИОН Интелвак, 2001.
3. **Грибоедов А. С.** Горе от ума [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/5/p.2/index.html> (дата обращения: 25.08.2015).
4. **Евангелие от Матфея, глава 27, стихи 27-30** [Электронный ресурс]. URL: <http://infostatus.ru/gospel/matthew/138/> (дата обращения: 25.08.2015).
5. **Иванов А.** Мореплаватель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litparody.ru/autors/ivanov-aleksandr/moreplavatel.html> (дата обращения: 25.08.2015).
6. **Манин Ю. Н.** Сарказм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. М. В. Кожевника, П. А. Николаева. М.: РАН ИНИОН Интелвак, 2001.
7. **Пушкин А. С.** Полтава. Песнь третья [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/text/poltava/pesnetretiya.htm> (дата обращения: 25.08.2015).
8. **Пушкин А. С.** Я помню чудное мгновенье [Электронный ресурс]. URL: <http://rupoem.ru/pushkin/ya-pomnyuchudnoe.aspx> (дата обращения: 25.08.2015).
9. **Салтыков-Щедрин М. Е.** Богатырь [Электронный ресурс]. URL: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/spi_bogatyr_spi_skazka_lozh_da_v_nej_namjok/7-1-0-239 (дата обращения: 25.08.2015).
10. **Скребец Ю. М.** Ирония // Русский язык. Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
11. **Хазагерев Г. Г., Караченцева Н. М.** «Об образах» – первое филологическое сочинение на Руси. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1995. 44 с.
12. **Шагров М.** Дальше... дальше... дальше!: дискуссия вокруг одной пьесы: по материалам печати и читательским письмам. М.: Художественная литература, 1989. 303 с.
13. **Ширина Е. В.** Мимезис как особый вид повтора чужой речи: автореф. дисс. ... к. филол. н. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1990. 19 с.

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR: RHETORICAL AND PARALINGUISTIC ASPECTS

Kulikova Ella Germanovna, Doctor in Philology, Professor
Rostov State University of Economics
kulikova_ella21@mail.ru

The article tells about the relationship between rhetorical figures and paralinguistic means. Rhetorical figures interact and correspond with the phenomena of a paralinguistic. The means of a paralinguistic form a kind of sub-code, the foundation of which is motivated signs. This sub-code is subjected to a particular convention. This convention forms its own standard, which is not "another standard" in terms of language, but correlates to the language standard.

Key words and phrases: rhetorical figure; paralinguistic; language standard; paralinguistic standard; rhetorical standard; motivated sign; sub-code; indexes.

УДК 801.51; 811.11

Филологические науки

В статье рассматривается вопрос о необходимости дифференциации коллокаций и фразеологических единиц в русском и английском языках, приводится анализ, позволяющий констатировать наличие определённых общих характеристик, но отсутствие полной идентичности между ними. Авторы обосновывают положение о том, что именно дифференцирующий характер признаков обуславливает разграничение коллокаций и фразеологизмов.

Ключевые слова и фразы: коллокация; фразеологическая единица; семантическая структура; дифференциальный признак; идиоматичность; нод.

Лескина Седа Витальевна, д. филол. н., доцент
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (филиал) в г. Челябинск

Киверник Наталья Юрьевна
Челябинский институт путей сообщения – филиал государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет путей сообщения» (ЧИПС УрГУПС)
nkivernik@bk.ru

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОЛЛОКАЦИЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ[©]

Ключевыми понятиями статьи являются термины «коллокация» и «фразеологическая единица». Как показал анализ научной литературы по смежным со статьёй проблемам, и отечественные и зарубежные исследователи-